

ВАРИАТИВНОСТЬ ПОГРЕБАЛЬНОЙ ПРАКТИКИ СИНТАШТИНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ (ПОИСК ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫХ МОДЕЛЕЙ) *

Исследование посвящено проблемам, связанным с проявлениями культурной вариативности на синташтинских погребальных памятниках Южного Урала (начало II тыс. до н. э.). При соблюдении основных канонов погребального обряда вариативность в планировке могильников, структуре погребальных сооружений, составе жертвоприношений и обращении с умершими представляется очевидной. В работе предложен ряд объяснительных моделей, учитывающих хронологический и географический факторы, направления внешних связей, особенности культурогенеза, социальную неоднородность населения. В качестве основного объяснения погребальной вариативности наиболее вероятным нам кажется социальный фактор. Взлет социальной сложности обществ бронзового века Южного Урала приходится на синташтинский период, и в это же время наблюдается и наиболее очевидный пик культурной вариативности.

Ключевые слова: Южный Урал, бронзовый век, синташтинская культура, могильники, погребальная практика, культурная вариативность.

Культурная вариативность является не-пременным атрибутом любого общества, однако стимулы ее возникновения, как и формы проявления, достаточно динамичны и разнообразны. Наличие отклонений от стереотипов следует признать одним из важнейших условий обеспечения жизнеспособности коллектива и его эволюционного потенциала (см.: [Гринин, 2006; Гринин, Коротаев, 2009] и др.). Такого рода культурную вариативность (которую условно можно определить как внутреннюю) уместно сравнить с мутациями, которые вовсе не обязательно обретут характер культурной нормы, но могут быть востребованы в периоды разного рода кризисов.

Вторая, не менее важная причина культурной вариативности – включение социума в системы более высокого порядка за счет совокупности внешних контактов. В результате происходит взаимообогащение участ-

ников этого обмена, заимствуются некоторые из стереотипов. Основания для формирования и поддержания связей варьируют в широких пределах и зависят от множества факторов – экономических, социальных, политических, культурных и иных.

Эта составляющая культурной вариативности на территории Северной Евразии в целом и Южного Урала в частности, как представляется, вышла на первый план в эпоху бронзы. В этот период наряду с традиционными семейно-брачными связями формируются иные каналы коммуникации. Прежде всего, это касается технологической, идеологической и социальной сфер. Дополнительным фактором культурной вариативности, видимо, становится возникновение профессиональных и элитных субкультур. Археологическим выражением принципиально нового содержания культурной вариативности стало появление об-

* Работа выполнена в рамках интеграционного проекта УрО РАН и СО РАН «Культурная вариативность на памятниках Урала и Западной Сибири в эпоху бронзы и раннего железа», а также при финансовой поддержке ГНФ (проект № 12-01-00114).

ширных культурно-исторических общностей и областей, металлургических провинций и пр.

Темпы и масштабы эволюции традиционного общества заведомо ниже, чем общества модернизированного, однако и они не были величиной постоянной даже на протяжении одной археологической эпохи, в данном случае бронзового века. Периоды культурной мозаичности сменялись относительной стабильностью культурных стереотипов. Основными проблемами исследования ритма колебаний вариативности являются ее опознание в археологических материалах и интерпретация порождающих и поддерживающих ее стимулов. В самом общем виде можно предположить корреляцию уровня сложности социума со степенью его культурной вариативности, в том числе и за счет формирования субкультур. Однако эта и другие возможные гипотезы нуждаются в разносторонней проверке на конкретных материалах.

В качестве материалов для проверки предложенных гипотез избраны синташтинские памятники Южного Урала, датируемые в системе калиброванных радиоуглеродных дат началом II тыс. до н. э. [Епимахов, 2007]. Причиной предпочтения стали высокий уровень обеспечения результатами комплексных исследований, с одной стороны, и тезис о неустойчивости стереотипов – с другой. В. С. Бочкарев [2010. С. 52] и ряд других авторов интерпретировали разнородность материалов как отражение незавершенности процесса культурогенеза. Не отрицая возможность такой трактовки, считаем необходимым обратиться к анализу проявлений вариативности и поиску ее причин. На данном этапе использованы лишь погребальные комплексы, которые, в отличие от поселенческих, практически полностью опубликованы – исключение составляют могильники Степное и Бестамак, представленные выборочно (см.: [Калиева, Логвин, 2009; Берсенева и др., 2010] и др.); используется и курган Халвай 3, для которого мы располагаем только предварительной публикацией [Аркаим, 2002; Боталов и др., 1996; Виноградов, 2003; Генинг и др., 1992; Епимахов, 1996; 2004; 2005; Порохова, 1992; Стефанов, Епимахов, 2006; Ткачев, 2007; Логвин, Шевнина, 2011]. Нами не привлекаются материалы лесостепного Притоболья [Потемкина, 1985; Гилева, Ху-

добородова, 2011], поскольку эти памятники, хотя и иллюстрируют синташтинские черты в керамическом комплексе, не дают картины погребальной обрядности, интересующей нас в рамках настоящего исследования (рис. 1)¹.

Дополнительным стимулом стало то обстоятельство, что традиционно погребальная обрядность рассматривается археологами (этнографы куда менее категоричны) в качестве очень устойчивой канонизированной деятельности, часто символизирующей культуру в целом². Со времени последней обобщающей работы о синташтинских некрополях [Епимахов, 2002] объем и качество данных заметно выросли, что позволяет уточнить, а в некоторых случаях скорректировать выводы. Кроме того, предшествующая работа была ориентирована в основном на поиски общекультурных черт, а не на их вариации. В дальнейшем изложении мы придерживаемся структуры тафокомплекса, предложенной В. С. Ольховским [1991] и ранее уже апробированной на синташтинских материалах одним из авторов [Епимахов, 2002. С. 98–100].

Синташтинские памятники представлены двумя основными типами – укрепленными поселениями³ и некрополями. Те и другие локализованы в северной части степной зоны Южного Урала (см. рис. 1), хотя первые хорошо изучены только в границах Зауральского пенеппена. Некрополи обнаружены за пределами этой территории к востоку и юго-западу⁴. Ряд памятников лесостепного Приуралья, включаемых в число абашевских [Горбунов, 1986; Ткачев, 2007. С. 215–227], несут в себе черты сходства с синташтинскими. Это может трактоваться либо как результат синхронности [Епимахов, Чуев, 2010], либо как свидетельство происхождения синташтинских традиций из абашев-

¹ Выражаем свою признательность Н. И. Чуеву (ЮУрГУ) за содействие в подготовке карты.

² Представления об облике материальной культуры, идеологии и других чертах социальных организмов аридной части Евразии, начиная с эпохи палеометалла, чаще всего приходится формировать именно по результатам изучения некрополей.

³ Примеры серийных находок синташтинской керамики, не связанной с укрепленным поселением, немногочисленны [Нелин, 2004].

⁴ Эта часть далее в тексте для краткости называется «приуральской», несмотря на некоторую условность такого наименования.

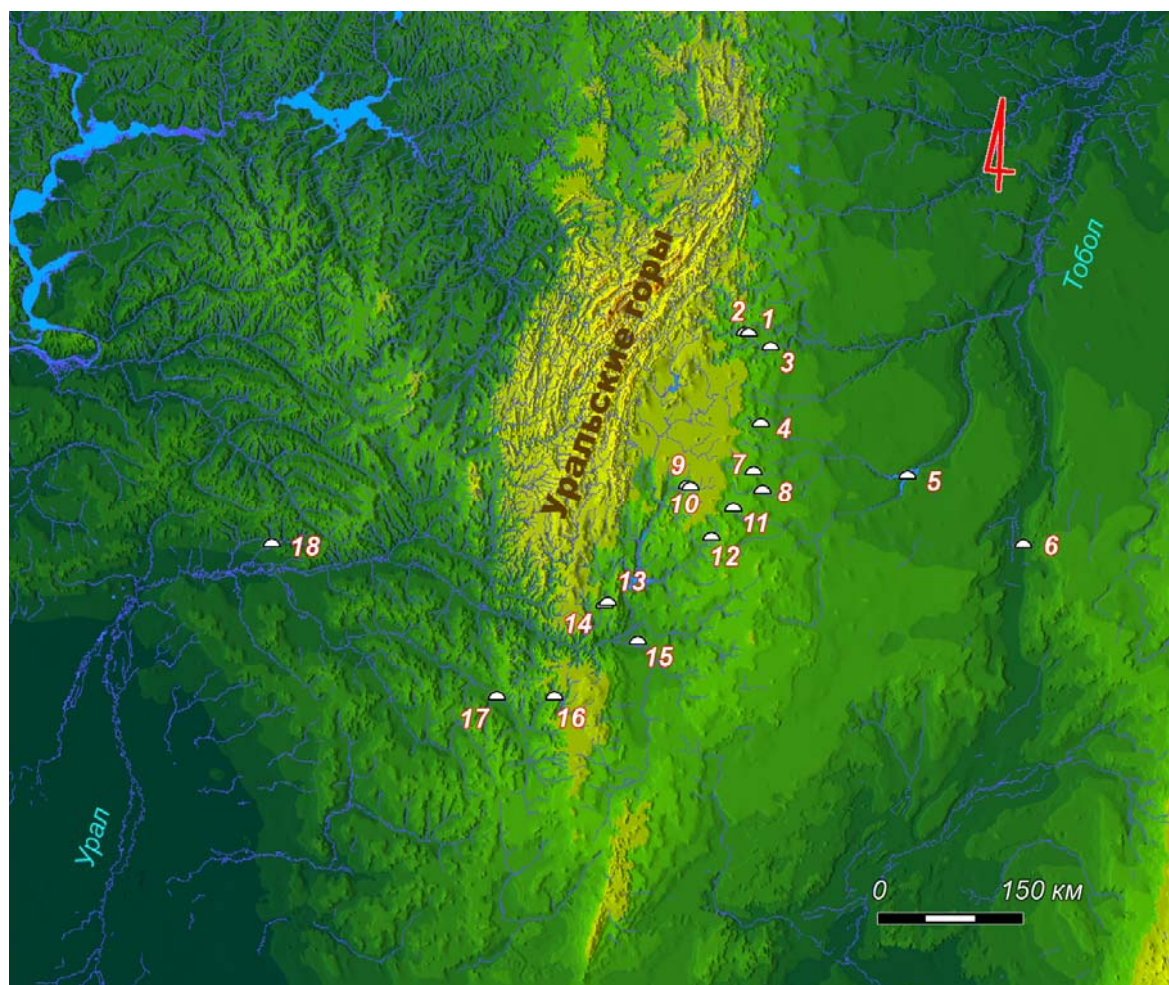

Рис. 1. Карта синташтинских некрополей: 1 – Степное М; 2 – Степное I; 3 – Кривое Озеро; 4 – Солнце II; 5 – Халвай 3; 6 – Бестамак; 7 – Каменный Амбар-5; 8 – Княженский; 9 – Александровский IV; 10 – Большекараганский (Аркаим); 11 – Синташта (СМ, СI, СII, СIII); 12 – Солончанка Ia; 13–14 – Ишкиновка I и II; 15 – Новокумакский; 16 – Жаман-Каргала I; 17 – Танаберген II; 18 – Герасимовский II

ских⁵. Вероятно (с учетом многочисленности следов металлургической специализации части населения), некоторые древние выработки также относятся к интересующему нас периоду [Зайков и др., 2005; Зайков, 2010. С. 76–82], однако их культурная атрибуция остается в большинстве случаев неразрешимой задачей.

Настоящая работа по причинам, изложенным выше, сфокусирована на традициях погребальной обрядности синташтинского населения. Более того, ее сложный характер

заставляет сосредоточиться на детальном анализе только некоторых аспектов, ограничившись общим описанием по остальным позициям.

Практически все зауральские некрополи, за исключением Княженских курганов [Зданович, 2010]⁶, надежно соотносятся с поселениями. Как правило, поселение имеет только один некрополь, лишь для Аркаима обнаружены два – Большекараганский и Александровский IV. Погребальные сооружения занимают сходные с поселениями гипсометрические отметки, тяготея к первой террасе. В ряде случаев могильники достоверно не установлены (Исенеи, Сарым-

⁵ В результате, с одной стороны, одни и те же памятники фигурируют в списках разных культур, с другой – введен в оборот термин «абашевско-синташтинская» культурная непрерывность (см.: [Черных, 2008] и др.).

⁶ В этом случае не исключено уничтожение памятника антропогенным воздействием.

Саклы и др.) либо представлены единичными захоронениями (Аландское – Солончанка Ia).

Если в Зауралье массовое распространение курганной традиции относится к синташтинскому периоду и сооружения предшествующего времени редки [Сальников, 1962; Малютина и др., 2009; 2010], то в Приуралье ситуация качественно иная. Именно там синташтинские погребения нередко обнаруживаются в составе разновременных могильников, в том числе и впущенными в более ранние насыпи (см.: [Богданов, 2004; Ткачев, 2007] и др.). Этой традиции не было полностью чуждо и зауральское население, в некрополях которого некоторые захоронения явно совершены после руинирования надмогильных сооружений, правда, относящихся к синташтинскому периоду.

Параметры надмогильных конструкций (высота в пределах одного метра и максимальный диаметр немногим более тридцати метров) не поражают воображение и коррелируют с числом могильных ям в пределах площадки. Некоторое влияние на внешний облик сооружений, видимо, оказывали не только количество, но и размер усыпальниц: чем больше крупных могильных ям на подкурганном пространстве, тем большая сумма грунта здесь размещалась. Судя по некоторым наблюдениям, наземными конструкциями снабжались, прежде всего, большие по площади (часто коллективные) могильные ямы.

В организации некрополей системы не прослеживается, сильно различается и расстояние между сооружениями. Для Приуралья, где обнаружены только единичные курганы, этот аспект вовсе не имеет перспективы обсуждения. Опыт дистанционного зондирования межкурганного пространства произведен только для могильника Каменный Амбар-5 [Hanks, Doonan, 2009. P. 343]. В результате геомагнитной съемки не было выявлено никаких следов захоронений, которые на тестовом (курганном) участке прослеживались совершенно отчетливо. Это, к сожалению, единичное наблюдение заставляет думать, что для совершения похоронной церемонии (точнее, ее завершающей фазы) использовались относительно небольшие по площади участки. Таким образом, мы пока не располагаем данными для подтверждения гипотезы о сосуществова-

нии курганного и грунтового вариантов захоронения, во всяком случае, в пределах одних площадок.

Могильники существенно различаются по количеству погребальных сооружений и индивидов, однако даже наиболее крупные из них содержат немногим более сотни покойных. К сожалению, это суждение имеет надежные основания для меньшинства некрополей, поскольку остальные либо изучены частично, либо подверглись серьезному разрушению. В ряде случаев (как, например, с Княженскими курганами [Зданович, 2010]) речь идет буквально о точке на карте.

С нашей точки зрения, синташтинские погребальные сооружения являются результатом относительно длительного функционирования и формировались постепенно, по мере возведения сооружений над крупными могилами. Длительность проведения погребальных ритуалов для такого тафокомплекса определить пока невозможно, хотя последовательность совершения захоронений при соответствующей методике раскопок реконструируется достаточно надежно. Несмотря на сделанные оговорки, мы уверены, что выбор места совершения очередных похорон происходил с учетом совершенных ранее обрядовых действий.

Сакральное пространство кургана могло быть ограничено ровиком и дополнено жертвоприношениями животных (в самых разных вариантах – от отдельных костей до полных туш), сосудов и отдельных категорий находок. Последнее редко документируется с полной уверенностью в связи с деятельностью норных животных и частой потревоженностью могил.

При возведении сооружений и оформлении могил широко использовались дерево (бревна, плахи, доски, возможно, кора) и грунты (часто специально подготовленные). Внутримогильные конструкции крупных ям отличаются большой сложностью и могут включать несколько перекрытий, сруб в придонной части, столбы и другие элементы. Камень применялся эпизодически как вспомогательный материал (Со II⁷). При этом заподозрить его дефицит на Южном Урале невозможно.

В целом, синташтинские могильные ямы отличаются подпрямоугольной формой и

⁷ Сокращенные наименования памятников, упоминающихся в тексте, приведены в конце статьи.

большими размерами, включая глубину. Эта черта обрядности рассматривается Н. Б. Виноградовым в качестве наследия ямной КИО [2007]. Примеры самых крупных по площади (и по числу похороненных) могил выявлены в Зауралье (СМ, СІ, КА-5, БК). Наряду с ямами (иногда дополненными ступеньками, канавками и пр.) выявлены единичные примеры катакомб и подбоев (СІІ, Тн ІІ, І І).

Среди способов обращения с покойным безраздельно господствует ингумация, хотя положение останков может различаться (см. ниже). Следы огненных ритуалов часты и разнообразны (прокалы, угли, посыпки, обожжение жертвенных животных и перекрытий⁸), но не связаны с воздействием на тело человека. В единичных случаях выявлены ярусные захоронения (Г ІІ, СІ и др.), в качестве таковых могут трактоваться и некоторые случаи неполного наложения могил (КА-5, СІ и др.).

В пространстве могильных ям обнаруживается до восьми покойных всех возрастных групп в самых разных сочетаниях. Достоверных следов многоактности захоронений не выявлено, хотя для центральных могил предположение об их склеповом характере высказывалось [Генинг и др., 1992]. К сожалению, все зауральские примеры сильно потревожены и заключения по ним, за вычетом констатации коллективности погребения некоторых (БК), невозможны. В приуральских же погребениях лишь однажды обнаружены останки более трех человек (Ж-К І), поэтому, судя по относительно небольшим размерам практически всех ям и комплексам с антропологическими определениями, трудно предполагать последовательные⁹ захоронения для отдельных ям.

В дальнейшем тексте мы не проводим разграничения между парными и двойными погребениями (см., например: [Рафикова, 2008. С. 12]) по нескольким причинам. Синташтинские памятники дают образцы погребений индивидов, обращенных лицом друг к другу («парных», по терминологии ряда авторов), однако часть из них содержит дополнительные скелеты (как правило, дет-

ские) и с формальной точки зрения является тройными или коллективными. К тому же «ограбление» значительной части могил не позволяет установить положение *in situ*, хотя половозрастные характеристики погребенных при помощи антрополога реконструируются сравнительно надежно. И, наконец, в настоящей работе семантические аспекты ритуалов находились на втором плане. В этой связи определение «парное», фигурирующее в тексте, не содержит семейно-брачных коннотаций и синонимично термину «двойное».

Сложная практика жертвоприношений домашних животных является одной из «визитных карточек» синташтинской обрядности. Наряду с упомянутыми комплексами, на подкурганых площадках обнаружены разнообразные вариации внутримогильных приношений. Различия касаются видового состава, локализации в пространстве, отбора частей туши, способа умерщвления и других аспектов (см.: [Епимахов, 2002; Зданович, 2005] и др.).

Столь же вариативен и погребальный инвентарь, иллюстрирующий военную, производственную, бытовую и духовную сферы. Анализ личной «принадлежности» сопровождающих вещей всерьез осложнен коллективностью захоронений. Не стоит сбрасывать со счетов и тот факт, что помещаемые в могилу вещи не обязательно были собственностью покойного (см.: [Антонова, Раевский, 1984] и др.) и даже могли быть специально изготовлены для церемонии. Первое, что приходит в качестве возможной иллюстрации – большая серия миниатюрных бронзовых тесел.

Среди позиций, дающих материал для изучения культурной вариативности, могут быть упомянуты практически все основные признаки обрядности: способы организации погребального пространства, особенности архитектуры, варианты обращения с покойным (позиция, ориентировка и пр.), практика жертвоприношений животных (состав, размещение, способы умерщвления) и т. д. В этой связи приходится ограничить поле деятельности только несколькими моментами: способами организации подкурганного пространства; количеством погребенных и их составом (взрослые / дети; мужчины / женщины); группировкой погребенных (одиночные, парные, коллективные захоронения); различиями в обращении между по-

⁸ В некоторых примерах (КА-5, СМ и др.) сожжению подвергались и деревянные детали надмогильных сооружений.

⁹ В этой части мы придерживаемся терминологической системы Ю. А. Смирнова [1997. С. 71–73].

гребенными разного возраста и пола (позиция, ориентация, снабжение инвентарем и жертвенными животными).

Источниковая база исследования достаточно представительна. Нами сведены в единую таблицу данные о синташтинских погребениях на Южном Урале и сопредельных территориях, которые удалось собрать по публикациям (табл. 1). Стоит подчеркнуть, что из этого числа почти половина – одиночные курганы, обнаруженные, в основном, за пределами зоны укрепленных поселений [Зданович, Батанина, 2007]. В некоторых случаях речь идет об единичных впускных могильных ямах. Всего учтено 20 могильников (32 кургана + 2 грунтовых), которые содержали не менее 251 могильной ямы. Качество публикаций не позволило использовать эти сведения в полном объеме. Дополнительные ограничения накладывает еще одна черта синташтинских некрополей – значительный процент потревоженных погребений: 32,4 % скелетов имели следы нарушений анатомического порядка¹⁰.

Для анализа варьирующих черт погребального обряда, непосредственно связанных с людьми, были отобраны материалы могильников Большекараганский (курган № 25), Каменный Амбар-5, Кривое Озеро, Танаберген II и, с некоторыми оговорками, выборочно опубликованный Бестамак, ибо только они имеют антропологические определения (табл. 2). Таким образом, исследование в его гендерно-возрастной части основывается на сведениях о 221 погребенном (124 могильные ямы), чьи останки были обработаны антропологами. Данные некрополей поселения Синташта¹¹, могильников Большекараганский (курганы № 11 и 24), Солнце II, Жаман-Каргала I, Ишкиновка I и II, Герасимовский II и Новокумакский привлекались лишь для обсуждения проблем, не связанных с необходимостью остеологической идентификации умерших (табл. 3–6). Таким образом, общая база данных содержала информацию разной степени подроб-

ности о 338 погребенных индивидах (см. табл. 2).

Планировка кладбищ рассматривалась ранее (см.: [Зданович, 1997; Григорьев, 1999; Епимахов, 1995; 2002; Стефанов, Епимахов, 2006] и др.). Разногласия касаются двух позиций: наличие / отсутствие маркированных границ конкретного комплекса (рвами снабжены около половины всех курганов) и наличие / отсутствие надмогильных сооружений в могильниках Синташта (СМ¹²) и Бестамак. Эти памятники к началу раскопок представляли собой погребальные поля, включающие несколько десятков захоронений. Для того и другого зафиксировано серьезное антропогенное воздействие и прослеживаются элементы планировочной структуры в северных частях площадок. Косвенным подтверждением бескурганного обряда может служить высокая плотность расположения мест упокоения, хотя с учетом высокой вариативности обрядности (см. ниже) и отдельных примеров наложения погребальных сооружений не исключены и хронологические различия. Впрочем, противопоставление курганного и бескурганного вариантов имеет оттенок условности (особенного для СМ), поскольку авторы раскопок зачастую фиксировали следы сооружений над крупными могильными ямами [Генинг и др., 1992].

В локализации основных элементов целого ряда тафокомплексов диагностируется круговая планировка, которая вызывает ассоциации со способами размещения элементов застройки округлых укрепленных поселений [Епимахов, 1995]. Однако такой структурой обладают далеко не все курганы. Во-первых, довольно заметную их часть составляют комплексы с небольшим количеством могильных ям (СIII, Со II, КА-5, Со Ia). Во-вторых, в ряде случаев даже при наличии сравнительно большого числа захоронений структура не очевидна. Не стоит сбрасывать со счетов и впускной характер многих приуральских (Ж-К I, Г II, Нк) и некоторых зауральских захоронений (А IV).

Центр площадки в большинстве случаев маркирован крупными, часто коллективными усыпальницами, число которых варьировало от одной до трех. Наиболее выразительные примеры этой схемы зарегистрированы

¹⁰ Исследователями не раз высказывалось мнение о ритуальном характере «ограбления» синташтинских захоронений [Епимахов, 1996; Нелин, 2001; Зданович, 1997]

¹¹ Авторы выражают глубокую признательность Н. Б. Виноградову (ЧГПУ) за возможность использовать авторский снимок момента раскопок могильника Синташта, датированный 1975 г.

¹² Для данного комплекса отдельные насыпи прослеживались [Стефанов, Епимахов, 2006].

Таблица 1

Синташтинские погребения на Южном Урале и сопредельных территориях

Могильник	Поселение	Количество курганов	Наличие рва	Количество могильных ям	Публикация
Большекараганский	Аркаим	4	Есть везде	32	Аркаим, 2002; Боталов и др., 1996
Каменный Амбар-5	Каменный Амбар (Ольгино)	3	Есть везде	35	Епимахов, 2005
Кривое Озеро	Черноречье III	2	Нет	43	Виноградов, 2003
Синташта, СМ	Синташта		Нет	40	Генинг и др., 1992
Синташта, СI	Синташта	1	Нет	15	Генинг и др., 1992
Синташта, СII	Синташта	1	Нет	9	Генинг и др., 1992
Синташта, СIII	Синташта	1	Нет	1	Генинг и др., 1992; Стефанов, Епимахов, 2006
Солнце II	Устье	6	Нет	10	Епимахов, 1996
Княженские	Нет	2		2	Зданович, 2010
Степное	Степное	2			Берсенев и др., 2010
Солончанка Ia	Аландское	1	Нет	1	Епимахов, 2004
Александровский IV	Аркаим	2			Малюткина и др., 2010
Бестамак	Нет			16	Логвин, Шевнина, 2008; Калиева, Логвин, 2009; Логвин и др., 2009; Шевнина, Ворошилова, 2009
Халвай 3	Нет	1		7	Логвин, Шевнина, 2011
Ишкиновка I	Нет	1	Есть	2	Ткачев, 2007
Ишкиновка II	Нет	1	Нет	3	Ткачев, 2007
Жаман-Каргала I	Нет	1	Есть	5	Ткачев, 2007
Герасимовский II	Нет	1		4	Порохова, 1992
Новокумакский	Нет	1	Есть	9	Ткачев, 2007
Танаберген II	Нет	1	Есть	17	Ткачев, 2007
Всего		32 + 2 грунто- вых		251	

в могильниках Синташта (северная часть СМ, СI), БК (курганы № 24 и 25), КА-5 (курганы № 2 и 4), менее четко в МКО. За пределами центра выявлены также значительные по площади и сложные по конст-

рукции варианты коллективных захоронений. Наряду с ними встречались и индивидуальные, более скромные по основным параметрам. В свете заявленной темы необходимо подчеркнуть, что существенная раз-

Таблица 2

Количество погребенных и их половозрастной состав

Могильник	Дети (до 15 лет)	Мужчины	Женщины	Взрослые без определения пола	Всего инди- видов
БК (к. № 25)	16	5	10	1	32
КА-5	67	18	9	3	97
МКО	42	5	4	0	51
СМ	18			27	45
СІ, СІІ, СІІІ	3			22	25
БК (к. № 11, 24)	3			6	9
Со II				6	6
Бс	3	7	6	0	16
Тн II	7	9	9	0	25
Ж-К I	5			5	10
И I	2			0	2
И II	2			1	3
Г II	3			2	5
Нк	8			4	12
Всего	179	44	38	77	338

Таблица 3

Группировка погребенных по могильным ямам

Могильник	Захоронения			
	одиночные	двойные	тройные	коллективные
БК (курган № 25)	6	8	1	2
КА-5	17	1	3	13
МКО	38	5	1	0
СМ	21	5	2	2
СІ	6	4	1	0
СІІ	2	1		
СІІІ				1
БК (курганы № 11, 24)	6	0	1	0
Со II	2			1
Бс	9	2	3	0
Тн II	11	4	2	1
Ж-К I	2	1	0	1
И I	2			
И II	3			
Г II	4	0	0	0
Нк	5			
Всего	134	31	14	21

ница в планировке пространства зафиксирована практически для всех могильников¹³.

С точки зрения упорядоченности пространства зауральские тафокомплексы выглядят

¹³ В Со II не выявлены многомогильные курганы, однако изучена сравнительно небольшая часть некро-

поля, наиболее крупные насыпи которого оказались недоступны для исследования.

Таблица 4

Позиция погребенных в могильной яме

Могильник	Позиция погребенных			
	скорченно		на спине	другое
	на левом боку	на правом боку		
БК (курган № 25)	6	4	0	
КА-5	32	4	1	
МКО	21	7	7	1 – на левом боку с прямыми ногами
СМ	20	6	2	1 – расчленен
СІ	13	3	1	
СІІ	1	1	0	
БК (курганы № 11, 24)	8	0	0	
Со II	0	1	0	
Бс	13	1	0	
Тн II	16	3	3	
Ж-К I	9	0	0	1 – на животе, ноги слабоскорчены
И I	2	0	0	
И II	2	0	0	1 – расчленен
Г II	2			
Нк	2			
Всего	147	30	13	

Таблица 5

Ориентация погребенных относительно сторон света (головой)

Могильник	С	Ю	З	В	СВ	СЗ	ЮВ	ЮЗ
БК (курган № 25)	3	3				3		3
КА-5	4	3	7		8	10		12
МКО	4	1	5		2	24		4
СМ	1	3	6	3	3	8	2	7
СІ	5			2	3	4	3	
СІІ			2			1		
БК (курганы № 11, 24)			2			2		4
Со II		1						
Бс			3			11		1
Тн II			2	1		5	3	11
Ж-К I			2		2			6
И I							1	1
И II		1		1				
Г II								3
Нк	1		1	2		1		1
Всего	18	12	30	9	18	69	9	52

более структурированными и сложными, хотя унификации не наблюдается и здесь.

Точное количество погребенных можно установить, естественно, лишь при условии полного исследования памятника и обра-

ботки его коллекции антропологами. На настоящем этапе самым крупным по количеству погребенных является могильник КА-5 (как минимум, 97 индивидов) [Епи́махов, 2005. Табл. 1]. Неизвестно, сколько умер-

Таблица 6

Количество особей жертвенных животных из погребений

Могильник	Лошадь	КРС	МРС (овца)	Коза	Собака	Свинья (или кабан)	Другое
БК (курган № 25)	6	13	22	3	1	1	утка (1)
КА-5	24	30	52		2	1	волк (2) сайга (1)
МКО	3	20	41		3		
СМ	39	9	44	2	2	2	
СІ	8	3	7				
СП	1	2	1				
БК (курганы № 11, 24)	1	1	3		1		
Со II	5	3	5				
Бс	7	2	11	2		1	
Тн II	7	5	6				
Ж-К I	1		2				
И I, II		1	3				
Г II			3				
Нк		2	3				
Всего	102	91	203	7	9	5	

ших было захоронено на могильнике Бестамак, так как материалы его публикуются выборочно, но очевидно, что он достаточно большой. Из публикаций удалось извлечь данные о 16 индивидах (см. табл. 1).

Для могильников СМ, СІ, СП, СШ, БК (курганы № 11 и 24), Со II, а также И I и II, Ж-К I, Г II и Нк (см. табл. 2) сведения о количестве индивидов могут быть не вполне точными, так как основываются на наблюдениях археологов, а не антропологов. В разделении археологами скелетов на «взрослых» и «детей» также, вероятно, могут быть ошибки.

На трех изученных антропологами синташтинских памятниках Южного Зауралья (КА-5; БК (курган № 25) и МКО) детский контингент составляет 50 % и более, при этом наибольший процент детских погребений зафиксирован на могильниках КА-5 (69,1 %) и МКО (82,4 %). Трудно обсуждать ситуацию в приуральских памятниках из-за скромных серий. Здесь наиболее представительным по количеству индивидов является Танаберген II, где детских захоронений вдвое меньше, чем взрослых.

Попытки подсчета соотношения мужских / женских погребений ясной картины

не дают. На могильнике КА-5 наблюдается двойной перевес мужчин, на БК (курган № 25) – женщин. На остальных кладбищах (МКО, Тн II и Бс) мужчины и женщины представлены в равных долях.

Характерной чертой синташтинских погребальных памятников являются парные и коллективные погребения в больших ямах, предположительно одноактные (рис. 2). Соотношение всех типов захоронений демонстрируется в табл. 3.

Нетрудно заметить, что памятники разбиваются на две категории. Подсчеты показали, что на МКО, СІ, БК (курганы № 11 и 24), Бс и могильниках Приуралья

количественно преобладают могильные ямы с одним умершим, а коллективных ям – более 3 погребенных – нет совсем (за исключением Ж-К I). На могильниках КА-5 и БК (курган № 25), напротив, индивидуальных погребений меньше (или столько же), чем парных и коллективных. Интересной особенностью двух последних некрополей являются коллективные усыпальницы (от 4 до 8 чел.). В составе захороненных в них людей есть некоторые закономерности, заключающиеся в том, что более 50 % в них – дети. В КА-5 в коллективные могилы поме-

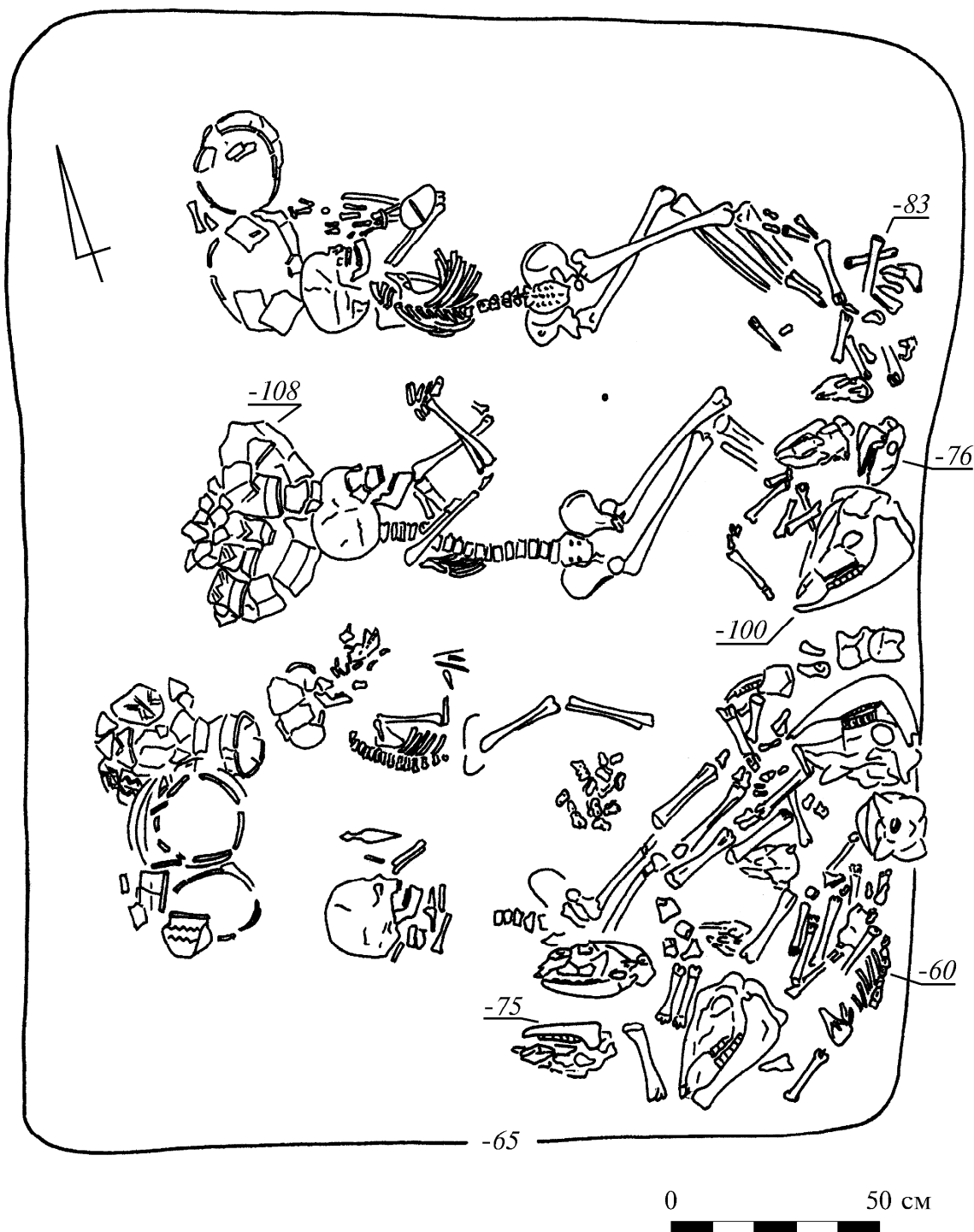

Рис. 2. Могильная яма № 12 кургана № 2 могильника Каменный Амбар-5

щены, в основном, мужчины и дети (13 мужчин, 46 детей и 3 женщины). Здесь вообще 89 % детей распределены по парным и коллективным могильным ямам. На БК (курган № 25) в коллективных ямах (их там две) погребены 3 женщины, 3 мужчины и

8 детей. В Приуралье такая могильная яма есть только на памятнике Ж-К I. В ней захоронены трое (?) взрослых и трое детей.

Промежуточную позицию занимают могильники СМ, СШ и Со II, где одиночные погребения преобладают, но при этом есть

и коллективные ямы, но их половозрастной состав точно не известен¹⁴.

Как уже говорилось, контингент крупных могильных ям формировался в основном за счет детской составляющей. Лишь МКО, несмотря на самый большой процент детских погребений, являет собой исключение – здесь 72 % детей обнаружены в одиночных ямах. Но при этом все четыре парных захоронения являются детскими. Взрослые на этом памятнике погребены только в отдельных могилах, без детей.

В Тн II останки детей обнаружены в парных и тройных могилах (и с женщинами, и с мужчинами). Больших коллективных ям не выявлено. В могильнике Бестамак дети были погребены как в одиночных, так и в парных и тройных погребениях вместе со взрослыми. Но все же, судя по публикации, преобладают индивидуальные детские могилы [Шевнина, Ворошилова, 2009. С. 59–60]. Среди взрослых также количественно доминируют индивидуальные погребения [Калиева, Логвин, 2009].

Далее коснемся различий в обращении между погребенными разного возраста и пола (позиция, ориентация, снабжение инвентарем и жертвоприношениями). Абсолютное большинство синташтинских умерших (91,2 %) были уложены в могильной яме на бок с подогнутыми ногами и кистями рук, приближенными к лицу (см. табл. 4)¹⁵.

Табл. 4 демонстрирует каноничность положения «скорченно на левом боку» (75,1 %). Наибольшие отступления от этого правила можно наблюдать в МКО, Тн II и СМ. В МКО и Тн присутствует довольно большой процент людей, уложенных при погребении на спину – 15,6 и 13,6 % соответственно. В могильнике Синташта (СМ) обнаружен, по крайней мере, один случай размещения эскарнированных останков, который можно считать достоверным, так как могильная яма не ограблена [Генинг и др., 1992. С. 210] (рис. 3). В приуральском могильнике Жаман-Каргала I взрослый человек был захоронен на животе, однако ноги его были слегка подогнуты. Для могильника

Ишкиновка II предполагается расчленение скелета взрослого человека.

Не слишком большой процент (16,9 %) приходится на правобочные погребения. Во всех определяемых случаях на правом боку, как в индивидуальных погребениях, так и в коллективных, хоронились только женщины и дети (женского пола?). Мужчины на правом боку не погребались. Среди погребений в положении на спине абсолютно преобладают одиночные, только в Танабергене II есть одно парное (двое мужчин) и одно тройное (на спине – только женщина, мужчина и ребенок – на боку). В МКО и КА-5 на спине уложены только дети, в Тн II – только взрослые. Таким образом, позиция не связана с гендером и возрастом умершего, за исключением того факта, что мужчины не погребались на правом боку.

Ориентировка погребенных в синташтинских могильниках разнообразна и на большинстве памятников невозможно выделить преобладающую (см. табл. 5).

Наибольшую вариативность в этом смысле можно увидеть в СМ. Здесь погребенных ориентировали головой во все без исключения стороны света. Но есть могильники, где можно говорить о доминирующем направлении: Тн II – южное (63,6 %), Бестамак, МКО – северное (73, 3 и 75 % соответственно). В целом, наиболее популярными были северо-западный и юго-западный секторы, наименее используемыми – восточный и юго-восточный. Пока остается загадкой, с чем связан такой разнородность в ориентировках, но очевидно, что ориентация умершего не была связана с его полом и возрастом. Поскольку подавляющее число покойных было уложено параллельно стенкам могилы, которые, в свою очередь, часто вписаны в круговую планировку подкурганного пространства, трудно ожидать «строгости» канона.

Практика снабжения инвентарем рассматривалась нами с точки зрения поиска различий, связанных с возрастом и полом погребенных. Среди сопроводительных предметов известны все категории: орудия труда, предметы вооружения и быта, украшения, культовые (?) вещи, посуда.

Судя по непотревоженным погребениям, все взрослые были захоронены с инвентарем, среди детских есть безынвентарные (28 %). В могильнике МКО – из 17 непотревоженных детских погребений только одно

¹⁴ Так как останки из этих могильников антропологами не обрабатывались, количество индивидов, особенно для коллективных и потревоженных ям, вероятно, не является точным.

¹⁵ В СШ могильная яма сильно потревожена, позицию и ориентацию погребенных установить не удалось.

Рис. 3 (фото). Могильная яма № 30 могильника Синташта

было с вещами, 7 – полностью безынварных; остальные содержали лишь посуду и кости мелкого рогатого скота. В КА-5 9 детей (все из коллективных ям) похоронили без инвентаря и посуды (но надо отметить, что они сильно потревожены норами). В Тн II среди непотревоженных детских могильных ям безынварных нет; такая же ситуация наблюдается и в к. № 25 Большекараганского могильника и, по-видимому, в Бестамаке. Основной инвентарь детских могил составляют украшения, в большинстве своем – бусины и пронизи (возможно, являющиеся также и деталями костюма), так называемые амулеты из клыков хищников и, кроме того, астрагалы, часто представленные большими сериями. В погребениях детей младше двух-трех лет найдены только украшения и посуда [Епимахов, 2005. С. 49]. В погребениях старших детей, кроме перечисленного выше, встречаются орудия труда: металлические ножи, шилья, тесла, абразивы и предметы вооружения: наконечники стрел, накладки лука и псалии, и даже наконечник копья [Берсенев и др., 2010; Шевнина, Ворошилова, 2009; Берсенева, 2010].

В выяснении различий в снабжении погребальным инвентарем различных гендерных категорий есть проблема, заключающаяся в том, что большинство (70 %) антропологически определенных мужчин захоронено в крупных коммунальных могильных ямах (32 из 46). Ситуация с женщинами немногим лучше – 58,5 % погребено в парных и коллективных усыпальницах (24 из 41). Потребленность этих ям обычно затрудняет соотнесение найденных предметов с конкретными скелетами. Очевидных вещевых гендерных маркеров не так много. Предметы (или комплексы предметов), надежно зафиксированные только в мужских погребениях, представляют собой достаточно редкие категории инвентаря – составляющие колесничного комплекса, топоры, наконечники копий, булавы¹⁶. Из числа более распространенных вещей мужским гендерным маркером можно считать тесла.

Бесспорно женскими являются, по-видимому, наконечники. Иглы представлены

¹⁶ Во всех антропологически идентифицированных случаях булавы находились в мужских погребениях.

только в женских и детских ямах. В целом же, учитывая малое количество индивидуальных мужских и женских погребений, имеющих определения пола (женских – 17, мужских – 14), перечисленные гендерные маркеры нельзя считать надежно установленными.

Проводя сравнение между могильниками, можно увидеть, что орудия труда, предметы вооружения и украшения хорошо представлены во всех некрополях, за исключением, пожалуй, МКО, однако надо помнить, что более 80 % погребенных там – дети. В каждом изученном погребальном комплексе мужчины и женщины были захоронены с инвентарем, частично отражающим принятые в обществе гендерные стереотипы: большинство украшений встречено в женских могилах, большинство предметов вооружения – в мужских. Колесничный комплекс наиболее ярко представлен в СМ (к сожалению, мы не знаем его антропологического состава). Орудия труда, видимо, также выбирались в соответствии с гендером.

Несмотря на то, что сопроводительный инвентарь, посуда и жертвоприношения характерны для абсолютного большинства синташтинских могил, аранжировка самого погребения и состав предметов разнообразны. Вариативность в выборе отдельных предметов представляется довольно высокой как внутри могильников, так и между ними. Различия объясняются, вероятно, не только гендером и возрастом умерших, но и множеством других причин, включая имущественные возможности семей и разного рода сентиментальные факторы (особенно в обращении с детьми).

На результаты анализа жертвоприношений животных также могли серьезно повлиять качество раскопок и степень подробности публикаций. Составленная нами таблица выполнена по данным публикаций и в определенном смысле отражает их достоинства и недостатки (см. табл. 6).

Состав синташтинского «жертвенного стада» из могильников был достаточно основательно проанализирован Д. Г. Здановичем в его диссертационном исследовании [2005]. Следует сразу упомянуть, что в табл. 1 его автореферата фигурируют несколько иные цифры, чем в нашей табл. 6. Это объясняется, прежде всего, тем, что Д. Г. Здановичем учитывались все кости животных,

в том числе отдельные жертвенники; в нашем же случае – только кости из могильных ям. Мы не ставили целью учесть все кости, нас больше интересовала взаимосвязь индивидов разного возраста и пола и сопровождающих их животных.

Для могильников БК (курган № 25), КА-5 и МКО структура «жертвенного стада» соответствует приведенной Д. Г. Здановичем: первое место по количеству особей занимает МРС, второе – КРС, третье – лошадь. Остальные животные представлены незначительным количеством примеров, но, пожалуй, на четвертое место следует поставить собаку. Соотношение «нарушено» в СМ, где вторую позицию (или даже первую (см.: [Зданович, 2005. Табл. 1]) занимает лошадь; этот могильник уникален и по количеству захоронений целых туш лошадей¹⁷.

В Тн II лошадь по количеству особей занимает второе место после МРС. Судя по публикациям, то же можно сказать и о Бестамаке. Ситуация в других приуральских и зауральских могильниках, по изложенным выше причинам, не может быть рассмотрена корректно.

Зависел ли состав жертвенников от пола и возраста погребенных? Обратимся к материалам отдельных могильников¹⁸ (табл. 7).

В могильнике КА-5 подавляющее большинство мужских погребений – коллективные, с детьми, и именно в них представлены все виды копытных, включая почти всех обнаруженных на памятнике лошадей. В индивидуальных женских погребениях кости лошади зафиксированы в двух случаях. В одиночных детских могилах найдены только кости МРС. В детских коллективных (без взрослых) ямах присутствуют кости МРС и КРС. В общих со взрослыми могильных ямах, как уже упоминалось, найдены костные останки лошади, КРС и МРС.

Как и в КА-5, все мужчины захоронены в парных и коллективных могильных ямах

¹⁷ Д. Г. Зданович отмечает, что «сведения об osteологическом комплексе СМ были сильно искажены при публикации» [2005. С. 15]. Тем не менее тот факт, что этот могильник по количеству захороненных там лошадей намного опережает все другие некрополи, сомнений не вызывает.

¹⁸ Данные, приведенные в табл. 7, могут отличаться от указанных в табл. 6, так как здесь учтены лишь жертвенники, соотносимые с конкретными индивидами (или группой индивидов).

Таблица 7

Соотношение видов жертвенных животных с полом и возрастом погребенных

Половозрастной состав	Лошадь	КРС	МРС	Собака	Другое
Могильник Каменный Амбар-5					
Мужчины	23	10	14	1	Волк
Женщины	2	3	6		
Дети*	нет	4	16		Волк (2), свинья
Курган 25 Большекараганского могильника					
Мужчины	4	5	8		Коза (1)
Женщины	2	6	5		Коза (1)
Дети	нет	2	9	1	Кабан (2)
Могильник Кривое Озеро					
Мужчины	1	14	12	1	
Женщины	2	5		1	
Дети	нет	1	13	1	
Могильник Танаберген II					
Мужчины	6	3	2		
Женщины	1	1	2		
Могильник Бестамак					
Мужчины	5	2	5		Свинья (1)
Женщины	2		4		
Всего по могильникам					
Мужчины	39	34	43	2	
Женщины	9	14	17	1	
Дети	0	8	40	2	
ИТОГО	48	56	100	5	

* Как «детские» рассматривались только погребения детей, без взрослых.

(этих ям четыре), в трех из них представлены сразу лошадь, КРС и МРС. Две женщины погребены в индивидуальных ямах, жертвенные животные – КРС и МРС. Есть парная могила женщин, в ней найдены кости лошади (от 2 особей). Индивидуальных детских погребений в этом кургане четыре. Дети сопровождалась, преимущественно, овцами, но встречены останки КРС и собаки. В парном погребении двух детей найдены две нижние челюсти кабана. В совместных захоронениях детей и взрослых присутствуют все виды копытных, включая лошадь.

В индивидуальных детских могилах МКО абсолютно преобладает МРС, лишь в одном случае встречены кости КРС и еще в одном – собаки. В одиночных мужских захоронениях зафиксированы лошадь, КРС, МРС и собака. В индивидуальном женском погребении (оно единственное) – точно та-

кой же набор: лошадь, КРС, МРС и собака. В парных и тройных, где один из умерших женщина, представлены овца и КРС.

Могильник Тн II отличается довольно высокой долей лошади в составе «жертвенного стада». В трех из четырех индивидуальных мужских захоронений найдены ее кости. В двух из четырех индивидуальных женских захоронений – только КРС и МРС. Трудно, однако, судить, насколько это вообще характерно для синташтинских памятников Приуралья, так как в погребениях других могильников жертвоприношений зафиксировано мало (см. табл. 5, а также: [Ткачев, 2007])¹⁹, а в тех, что есть, абсолютно преобладает МРС. Лишь в парном детском погребении могильника Жаман-

¹⁹ В 41,3 % погребений Приуралья, по данным В. В. Ткачева, жертвенники отсутствовали [2007. С. 98].

Каргала I найдены «трубчатые кости лошади» [Ткачев, 2007. С. 98]. В детских одиночных погребениях могильника Танаберген II жертвоприношений нет, а в Ишкиновке I и II, Новокумакском и Герасимовском II, напротив, есть (МРС).

Данные о могильнике Бестамак (см. табл. 7) дают представление о составе «жертвенного стада» только опубликованной части погребений. Но в одной из статей упоминается, что и мужчины, и женщины могли сопровождаться всеми видами животных, включая лошадей [Калиева, Логвин, 2009. С. 57]. Интересной особенностью этого памятника, как и СМ, является принесение в жертву целых туш коней. В опубликованных детских погребениях могильника Бестамак жертвенных животных нет, однако в работе И. В. Шевниной и С. А. Ворошиловой сообщается, что кости МРС «отмечены практически во всех ямах» [2009. С. 60]. В совместных погребениях детей с взрослыми представлены все виды копытных. Кроме того, в статье отмечается, что детей часто сопровождали собаки [Там же. С. 62].

Анализ взаимосвязи пола и возраста погребенных и состава сопровождающих их жертвенных животных показывает (см. табл. 7), что во всех могильниках мужчины и женщины снабжались всеми видами копытных.

Однако количество и «биомасса» животных, приносимых в жертву, зависели от возраста и гендерной принадлежности умерших (см. табл. 7) [Зданович, 2005. С. 15]. Так, объем жертвоприношений в женских могилах в среднем вдвое меньше, чем в мужских, несмотря на то, что видовой состав сходен (см. табл. 7). Собаки сопровождают как взрослых, так и детей. В погребениях, где захоронены только дети, среди жертвенных животных абсолютно преобладает МРС, на втором месте КРС, а кости лошади крайне редки – 4 черепа на перекрытии детской могилы (С1) и пара костей в могильнике Жаман-Каргала I. По «биомассе» жертвоприношений детские захоронения, в среднем уступают взрослым. Однако если учесть, что дети составляют более 50 % всех погребенных, то в сумме «биомасса» жертвоприношений из этих могил может быть вполне сравнима с тем, что было у взрослых.

Несмотря на сходные черты, позволившие объединить синташтинские памятники

в единую культуру (культурный тип?), вариативность в обращении с людьми очевидна при внимательном знакомстве с материалами могильников. В результате можно сделать ряд выводов.

Так, количество погребенных варьирует от нескольких впускных захоронений в «чужих» курганах до крупных некрополей с десятками могильных ям.

Относительно половозрастного состава можно отметить, что некоторые (только курганные) могильники характеризуются резким преобладанием детских погребений. В других количественно доминируют захоронения взрослых. Но в среднем более половины погребенных – дети (51,5 %). Женщины и мужчины на большинстве памятников представлены в приблизительно равных пропорциях. Двойной перевес женщин в БК (курган № 25) и мужчин в КА-5, скорее всего, отражает какие-то случайности в формировании кладбищ и не свидетельствует об избирательности погребального обряда.

Группировка погребенных может характеризоваться преобладанием коллективных или индивидуальных захоронений. Но большая часть синташтинских умерших похоронена не индивидуально (60,4 %).

Позиция является одной из самых устойчивых черт обрядности. Отступления относительно незначительны и встречены не во всех могильниках. Ориентация умершего в могиле (как и ориентация погребального сооружения), напротив, имеет самый большой разброс. Единого правила не было. В ряде некрополей можно увидеть доминирующее направление, в других – нет. Детские погребения везде демонстрируют наибольшую степень вариативности в области группировки и позиции в могильной яме.

Обязательное снабжение инвентарем взрослых зафиксировано во всех могильниках. Дети могли погребаться без сопроводительных артефактов и жертвоприношений. Мужские захоронения допускают большее разнообразие в выборе инвентаря. Инвентарь женщин был относительно менее разнообразен. Каких-либо очевидных различий в принципах снабжения умерших предметами и посудой для разных некрополей не выявлено.

По количеству и составу жертвоприношений памятники Приуралья сильно уступают зауральским. Однако правила выбора

приносимых в жертву животных были, по-видимому, едины и очень устойчивы. Выбираемые для жертвенника части животного в основном представлены головами и конечностями, целыми в могилу клались лишь особи МРС и детеныши (в этом отношении новые материалы подтверждают выводы Д. Г. Здановича [2005. С. 13]). К исключениям, где встречены полные скелеты лошадей (СМ), добавился могильник Бестамак. Скелетов взрослых особей КРС по-прежнему не обнаружено. С гендерной точки зрения закономерности также существуют. В мужских погребениях всех могильников встречено наибольшее количество как видов, так и особей животных. Женские сопоставимы по набору видов, но меньше – по «биомассе». В детских погребениях практически везде отсутствует лошадь, основным жертвенным животным представлен МРС.

Наибольшую близость согласно выбранным выше критериям можно установить между могильниками БК (курган № 25), КА-5 (вероятно, также С1 и БК, курган № 24). Здесь доминируют парные и коллективные погребения. Преобладающая позиция – левобочная, ориентировка головой неустойчива. Количество детей – более 50 %. В «жертвенном стаде» преобладает МРС, далее следуют КРС и лошадь.

Бестамак и Танаберген II, пожалуй, также демонстрируют некоторое сходство, в частности, преимущественную группировку умерших по одиночным и парным могилам. Здесь нет резкого преобладания детских погребений. Выделяется доминирующая ориентировка, однако противоположная (Бестамак – головой в северный сектор, Танаберген – в южный). С другой стороны, полные скелеты животных в составе жертвенников Приуралья, за исключением одной собаки, отсутствуют [Ткачев, 2007. С. 99], тогда как они очень характерны для Бестамака.

Наибольший «отход» от культурных стереотипов можно усмотреть в СМ и МКО, при этом СМ характеризуется внутренним разнообразием, а МКО – однообразием. Курганы МКО содержат множество одиночных периферийных детских погребений, часто безынвентарных или снабженных только посудой и костями МРС (см. выше), что ставит этот могильник в несколько обособленную позицию. СМ, напротив, демонстрирует самое большое разнообразие в способах обращения с телом умершего сре-

ди всех синташтинских некрополей. Здесь самое большое количество принесенных в жертву целых лошадей, и больше всего остатков колесниц.

Совершенно очевидно, что зафиксированная картина – результат суммирования разных факторов, определяющих облик погребального памятника. Некоторые из теоретически возможных ответов могут быть исключены на этапе логического анализа. Так, экологические аспекты, видимо, не играли решающей роли²⁰, поскольку практически все интересующие нас памятники расположены в зоне северной степи и вариации касаются лишь количества и состава древесных пород на отдельных участках. Естественно, в юго-западной и восточной частях ареала их меньше.

Наиболее очевидным ответом на вопрос о причинах разнообразия является хронология. Если общие границы существования синташтинских древностей установлены довольно надежно, то внутренняя хронология остается слабо установленной. Мнения об относительной хронологии фактически являются лишь отражением авторских позиций по вопросу о направлении эволюции керамического комплекса²¹. Некоторыми археологическими аргументами в пользу относительно длительного существования отдельных поселений мы располагаем. Так, для изученных широкими площадями памятников – Синташта, Аркаим, Каменный Амбар (Ольгино), Аландское отчетливо фиксируются следы подновлений и перестроек. С другой стороны, на двадцатикилометровом участке долины р. Карагайлы-Аят выявлено три укрепленных поселения (Коноплянка, Журумбай, Каменный Амбар), что в условиях доминирования животноводства как основы культуры жизнеобеспечения выглядит невероятным.

²⁰ Исключение составляет один из курганов могильника Каменный Амбар-5 (курган № 2), где высокий уровень грунтовых вод определил малую глубину некоторых могильных ям.

²¹ Длительность существования синташтинского культурного типа иногда оценивается в 130 лет [Григорьев, 1999. С. 137] со ссылкой на неопубликованные данные дендрохронологии. Мы пока не располагаем возможностью подтвердить или опровергнуть это мнение. Радиоуглеродные анализы дают более широкий диапазон, который, впрочем, имеет зону наложения с петровскими и покровскими интервалами.

Резонно предположить, что рассмотренные некрополи функционировали не одновременно. Сложнее судить о том, как долго они формировались. Наиболее вариативным по многим показателям оказалась часть эпонимного некрополя (СМ). Для этого памятника некоторые основания для суждений о порядке формирования имеются. В серии псалиев поздними чертами обладает пара из СМ (яма № 30) [Чечушков, Епимахов, 2010. С. 187], в то время как остальные выглядят архаичнее. Можно отыскать некоторые «поздние» признаки и в керамике южной части могильника. Если эти наблюдения верны, то освоение площадки шло с севера на юг.

В определении хронологической позиции некрополей относительно друг друга проблемы не менее сложные. Отчасти можно опираться на наличие черт, ставших стереотипными в последующий период. В МКО нетрудно усмотреть сходство с петровской и алакульской обрядностью в части организации пространства, модели группировки покойных и пр. В составе этого могильника исследованы и собственно петровские курганы (№ 1 и 2), а часть петровских захоронений оказалась впущена в синташтинский курган № 10. Синхронное поселение имеет прямоугольный абрис линии укреплений, что предполагает его относительно поздний характер²². Из семи имеющихся дат пять укладываются очень компактно в XIX – начало XVII в. до н. э. cal BC. Это наиболее поздняя часть синташтинского интервала [Епимахов, 2007].

Обратимся теперь к географической составляющей культурной вариативности. Карта позволяет четко усмотреть ядро территории (степное Зауралье) и периферийные слабо насыщенные материалами районы к западу и востоку. Конечно, нельзя полностью исключить, что это иллюстрирует только современный этап истории исследования и ничего кроме. Однако в степном Приуралье изучение могильников ведется очень интенсивно, что пока дало довольно скромные по объему синташтинские материалы. Различия между приуральской и зауральской группами довольно существенны

по многим показателям погребальной обрядности. Некоторые черты ее трактуются как реминисценции предшествующего периода, однако хронологическая аргументация пока опирается в основном на типологию керамики.

Не менее интересно сопоставить ее облик с соседствующими абашевскими традициями. В результате обнаруживается значительное сходство, доходящее для отдельных экземпляров до идентичности. Наиболее яркие проявления, с нашей точки зрения, связаны с «периферийными» могильниками (МКО и Г II). Эти некрополи, несмотря на принадлежность к синташтинскому кругу, отличаются и другими чертами (например, большим числом индивидуальных детских захоронений). К сожалению, составить полноценное представление об абашевской погребальной ритуалистике затруднительно ввиду серьезных разрушений могильных ям и немногочисленности антропологических анализов²³.

Несмотря на высказанные замечания, географический фактор кажется не самым значимым, поскольку не слишком велики расстояния, да и сходство между памятниками весьма значительное. Этот вывод может быть подкреплен заключением О. Д. Мочалова по результатам анализа керамики, согласно которому степень близости отдельных синташтинских и потаповских (Средняя Волга) памятников иногда выше, чем степень близости приуральской и зауральской групп (см.: [Мочалов, 2008. С. 248] и др.). При этом автор подчеркивает культурную неоднородность синташтинских памятников даже в пределах отдельных могильников.

На степень и, главное, характер вариативности не могли не влиять и компоненты культурогенеза и направление внешних связей. Разделить их трудно ввиду неясности хронологии некоторых культур, в первую очередь абашевской. В этой связи черты сходства культурных стереотипов объясняются как результат контактов (при синхронизации) или как результат наследования абашевских традиций. Прямых аргументов в пользу синхронизации немного, но они есть. В первую очередь должны быть упомянуты

²² Перекрытие прямоугольными поселениями округлых установлено в результате дешифрирования аэрофотосъемки [Зданович, Батанина, 2007] и удостоверено раскопками [Виноградов, 2004; 2007].

²³ Инвентарный комплекс дифференцируется более четко (особенно украшения), хотя и в этом случае велика доля общих типов.

закрытые комплексы, в которых обнаружены разнокультурные артефакты²⁴.

Проблемы хронологии имеются и в отношении такого яркого явления, как сейминско-турбинские древности (см.: [Черных, Кузьминых, 1989] и др.). В этом случае также мы располагаем некоторыми, хотя и скромными, аргументами синхронизации в виде находок костяных панцирных пластин в синташтинских погребениях (КА-5) и евразийского компонента в сейминско-турбинском металле²⁵. Как свидетельство присутствия населения с этими традициями рассматривается могильник у горы Березовой в Оренбуржье [Халяпин, 2001], где, с нашей точки зрения, могут быть выделены и синташтинские черты.

Некоторые черты синташтинской обрядности (организация пространства кургана, коллективность ряда погребений, положение покойных, захоронение эскарнированных останков и пр.) адресуют нас катакомбному кругу аналогий. Однако керамические комплексы не демонстрируют собственно катакомбных признаков [Мочалов, 2008], т. е. вклад носителей этих традиций очевиден, но не может считаться единственным.

Вместе с тем отрицать многокомпонентность сложения синташтинских традиций невозможно. В последние годы существенно расширилась база для такого заключения за счет анализа антропологических коллекций (см.: [Рыкушина, 2003; Хохлов, Китов, 2009; Хохлов, 2010; Китов, 2011] и др.). Краниологический и одонтологический методы дали во многом сходную картину механического смешения разнородных элементов. Среди них хорошо прослеживается не только степной, но и уралоидный комплекс. Последнее резко контрастирует с отсутствием в материальной культуре признаков предшествующего (постэнеолитического) населения за вычетом некоторых черт в орнаментации керамики. Гетерогенность прослеживается на уровне каждого могиль-

ника, при этом уралоидными чертами обладают женские черепа [Китов, 2011. С. 23–24]. Картина осложняется также единичными представителями монголоидной группы, связанной, судя по всему, с Западно-Сибирским регионом [Хохлов, 2009]. Весьма показательным, что этот комплекс представлен в тех могильниках, где прослежены сейминско-турбинские черты (у горы Березовой и Каменный Амбар-5).

Наряду с перечисленными, можно предполагать и иные направления связей, чему не противоречат и антропологические данные. Некоторые категории находок указывают на Кавказ и Среднюю Азию (см.: [Виноградов, 1995; Кузьмина, 2010] и др.). Таким образом, речь идет не только о «вкладе» разных групп в формирование вариативности на этапе становления синташтинских стереотипов, но и о дополнительных стимулах уже в период функционирования, включая физическое участие носителей инокультурных традиций.

Наконец, нельзя сбрасывать со счетов социальный фактор – точнее было бы говорить о группе факторов. Любое общество социально неоднородно, как минимум, в части возрастных и гендерных структур. В нашем случае вариации в этих сферах достаточно наглядны, что хорошо видно из предшествующего анализа. Однако, наряду с этим, отчетливо фиксируются и расхождения в рамках выделенных групп. Не исключено, конечно, что число возрастных градаций было большим, чем принято в нашем исследовании, но более реалистичным будет утверждение о сложном характере социума.

Синташтинское общество довольно давно интерпретировано как комплексное, благодаря яркой погребальной атрибутике и предполагаемой координации деятельности больших групп людей при сооружении укрепленных поселений. Не будем забывать и о посмертной селекции индивидов, в результате которой прямому изучению доступно меньшинство реально умерших. Проведенный анализ показал, что в пределах гендерных и возрастных групп имеются существенные различия. Если дополнить его маркерами статуса, то картина станет еще более контрастной. К числу признаков высокого статуса в рассматриваемом случае относятся, вероятно, воинская атрибутика, обряд жертвоприношения животных (видо-

²⁴ В кургане Халвай 3 в качестве таковых могут быть упомянуты разнотипные наконечники копий [Логвин, Шевнина, 2011]. Вероятно, этот список может быть пополнен Верхнекизильским кладом [Епимахов, 2003]. Кроме того, распространение колесничного комплекса (документированного находками псалив) в условиях приуральской лесостепи трудно объяснить утилитарными нуждами.

²⁵ Более внятные параллели имеются для абашевской культуры.

вой состав, количество и способы использования). В этом же качестве могли использоваться «экзотические» категории, например некоторые варианты каменных изделий: бусы из бирюзы (СМ, могильная яма № 31) и серпентинита (БК, курган № 25, могильная яма № 10), навершия булавы (КА-5, могильная яма № 8) и др. Если курганы объединяют группы родственников / свойственников (это пока не имеет прямых доказательств), то следует думать, что статус был наследуемым (большое количество детских захоронений, в том числе и с соответствующей атрибутикой). Впрочем, мы не исключаем и возможности существования достигаемого статуса.

Сомнительно, что нами рассмотрены все возможные варианты, поскольку часть из них по археологическим памятникам диагностируется с трудом. Ощущается также острый дефицит данных смежных наук в части выделения групп родственников, определения исходной зоны (зон) миграций и пр.

Калейдоскоп синташтинской культурной вариативности, с нашей точки зрения, требует разделения факторов на основные и производные от них. В роли основного наиболее вероятным «претендентом» нам кажется социальный. С синташтинским периодом связан своеобразный взлет социальной сложности, и на это же время приходится и наиболее очевидный пик культурной вариативности. Эта корреляция представляется далеко не случайной. Несмотря на то, что общая сложность социальной системы в последующее срубно-алакульское время, видимо, не стала существенно меньше, происходила трансформация ее формы: иерархическая модель сменялась гетерархической, более соответствующей достигнутому технологическому уровню и вмещающему ландшафту [Епимахов, 2010].

Первая (иерархическая) модель подразумевает различия в культурном облике социальных групп, не связанные с гендерными и возрастными позициями индивидов. Часть этих дифференцирующих черт могла иметь основания в происхождении (компонентах культурогенеза), когда исходные культурные различия закреплялись и в качестве социальных маркеров. Более того, для синташтинского периода прослеживаются дальние связи, в том числе в части заимствования атрибутики. Наиболее ярко это

проявлено в сфере военных технологий (колесничный комплекс, вооружение). Высокая по меркам бронзового века концентрация населения²⁶, включенность в широкую систему связей по поводу производства и распространения металла имели следствием динамичную выработку единых культурных стереотипов срубно-алакульского периода на пространстве, радикально большем в сравнении с синташтинским «ядром». Поддержание единства (основанного отчасти и на общности происхождения) на большой территории обеспечивалось протяженными связями и относительной мобильностью населения, базовой отраслью системы жизнеобеспечения которого было животноводство.

Список литературы

Антонова Е. В., Раевский Д. С. «Богатство» древних погребений. К вопросу о роли идеологического фактора в формировании облика погребального комплекса // Фридрих Энгельс и проблемы истории древних обществ / Под ред. В. Ф. Генинга. Киев: Наук. дум., 1984. С. 153–169.

Аркаим: некрополь (по материалам кургана 25 Большекараганского могильника). Кн. 1 / Сост. Д. Г. Зданович. Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 2002. 216 с.

Берсенева А. Г., Епимахов А. В., Зданович Д. Г. Луки синташтинской культуры: материалы и варианты реконструкции // Аркаим – Синташта: древнее наследие Южного Урала / Под ред. Д. Г. Здановича. Челябинск, 2010. Ч. 1. С. 82–95.

Берсенева Н. А. Гендерный символизм в детских погребениях синташтинской культуры // Проблемы истории, филологии, культуры. 2008. Вып. 22. С. 99–109.

Берсенева Н. А. Социализация детей как одно из направлений социокультурной адаптации в древних обществах // Уральский исторический вестник. 2010. № 2 (27). С. 38–54.

Богданов С. В. Эпоха меди степного Приуралья. Екатеринбург: Изд-во УрО РАН, 2004. 287 с.

Бочкарев В. С. Культурогнез и металлопроизводство Восточной Европы. СПб.: Инфо Ол, 2010. 231 с.

²⁶ Сезонность наполнения поселений [Косинцев и др., 2010] не меняет вывода об общих демографических параметрах – минимальные оценки колеблются в пределах 800–1 000 чел.

Виноградов Н. Б. Южные мотивы в керамических комплексах эпохи бронзы в Южном Зауралье // Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита – бронзы Средней и Восточной Европы. (Археологические изыскания. Вып. 25). СПб., 1995. С. 71–74.

Виноградов Н. Б. Культурно-исторические процессы в степях Южного Урала и Казахстана в начале II тыс. до н. э. (памятники синташтинского и петровского типа): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2007. 46 с.

Виноградов Н. Б. Могильник бронзового века Кривое Озеро в Южном Зауралье. Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 2003. 362 с.

Виноградов Н. Б. Синташтинские и петровские древности Южного Урала. Проблема соотношения и интерпретации // Памятники археологии и древнего искусства Евразии / Под ред. А. Н. Гея. М., 2004. С. 261–284.

Генинг В. Ф., Зданович Г. Б., Генинг В. В. Синташта. Археологический памятник арийских племен Урало-Казахстанских степей. Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1992. Т. 1. 408 с.

Гилева Ю. В., Худобородова В. В. Озерное I – новый погребальный памятник периода поздней бронзы в лесостепном Притоболье // XLIII международная Урало-Поволжская археологическая студенческая конференция. / Под ред. Н. Л. Моргуновой. Оренбург, 2011. С. 73–75.

Горбунов В. С. Абашевская культура Южного Приуралья. Уфа: Изд-во БГПИ, 1986. 96 с.

Григорьев С. А. Древние индоевропейцы. Опыт исторической реконструкции. Челябинск: Рифей, 1999. 444 с.

Гринин Л. Е. Производительные силы и исторический процесс. М.: КомКнига, 2006. 272 с.

Гринин Л. Е., Кортаев А. В. Социальная макроэволюция: Генезис и трансформация Мир-Системы. М.: Книжный дом «Либроком», 2009. 568 с.

Епимахов А. В. Относительная и абсолютная хронология синташтинских памятников в свете радиоуглеродных датировок // Проблемы истории, филологии, культуры. 2007. Вып. 17. С. 402–421.

Епимахов А. В. Курганный могильник Солнце II – некрополь укрепленного поселения средней бронзы Устье // Материалы по археологии и этнографии Южного Урала / Под ред. Н. О. Ивановой. Челябинск: Каменный пояс, 1996. С. 22–42.

Епимахов А. В. Верхне-Кизильский клад: варианты интерпретации // Археология, этнография и антропология Евразии. 2003. № 4 (16). С. 96–102.

Епимахов А. В. Могильник эпохи бронзы Солончанка IA и вопрос интерпретации одиночных синташтинских курганов // Археологический альманах. Донецк, 2004. № 15: Псалии. Элементы упряжи и конского снаряжения в древности. С. 99–102.

Епимахов А. В. Погребальные памятники синташтинского времени (архитектурно-планировочное решение) // Россия и Восток: проблемы взаимодействия / Под ред. Г. Б. Здановича, Н. О. Ивановой, А. Д. Таирова. Челябинск, 1995. Ч. 5, кн. 1. С. 43–47.

Епимахов А. В. Ранние комплексные общества Севера Центральной Евразии (по материалам могильника Каменный Амбар-5). Челябинск: Челябинский дом печати, 2005. Кн. 1. 192 с.

Епимахов А. В. Южное Зауралье в эпоху средней бронзы. Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2002. 170 с.

Епимахов А. В. Бронзовый век Южного Урала: экономическая и социальная эволюция // Уральский исторический вестник. 2010. № 2. С. 31–37.

Епимахов А. В., Чуев Н. И. Возможности пространственного анализа (абашевские и синташтинские памятники) // XVIII Уральское археологическое совещание: культурные области, археологические культуры, хронология / Под ред. Г. Т. Обыденновой. Уфа: Изд-во БГПУ, 2010. С. 141–143.

Зайков В. В. Юность геoaрхеологии. Екатеринбург, 2010. 175 с.

Зайков В. В., Юминов А. М., Дунаев А. Ю., Зданович Г. Б., Григорьев С. А. Геолого-минералогические исследования древних медных рудников на Южном Урале // Археология, этнография и антропология Евразии. 2005. № 4 (24). С. 101–114.

Зданович Г. Б., Батанина И. М. Аркаим – Страна городов: пространство и образы (Аркаим: горизонты исследований). Челябинск: Изд-во «Крокус»; Юж.-Урал. кн. изд-во, 2007. 260 с.

Зданович Д. Г. Жертвоприношения животных в погребальном обряде населения степного Зауралья эпохи средней бронзы: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2005. 23 с.

Зданович Д. Г. Княженские курганы: точка на археологической карте // Аркаим – Синташта: древнее наследие Южного Урала / Под ред. Д. Г. Здановича. Челябинск, 2010. Ч. 1. С. 162–178.

Зданович Д. Г. Синташтинское общество: социальные основы «квазигородской» культуры Южного Зауралья эпохи средней бронзы. Челябинск: СПЛИАЦ «Аркаим»; Изд-во ЧелГУ, 1997. 93 с.

Калиева С. С., Логвин В. Н. Могильник у поселения Бестамак (предварительное сообщение) // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. 2009. Вып. 9. С. 32–58.

Китов Е. П. Палеоантропология населения Южного Урала эпохи бронзы: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2011. 26 с.

Косинцев П. А., Рассадников А. Ю., Бачура О. П., Занина О. Г., Корона О. М. Историко-экологические исследования поселения Каменный Амбар // Андроновский мир / Под ред. Н. П. Матвеевой. Тюмень, 2010. С. 56–77.

Кузьмина Е. Е. Предыстория Великого шелкового пути: диалог культур Европа – Азия. М.: КомКнига, 2010. 240 с.

Логвин А. В., Шевнина И. В. Элитное погребение синташтинско-петровского времени с могильника Бестамак // VII исторические чтения памяти М. П. Грязнова / Под ред. С. Ф. Татаурова, И. В. Толпеко. Омск, 2008. С. 190–197.

Логвин А. В., Шевнина И. В. Курган Халвай 3 (предварительное сообщение) // Маргулановские чтения-2011. Материалы междунар. археол. конф. Астана, 20–22 апреля 2011 г. / Под ред. М. К. Хабдулиной. Астана, 2011. С. 291–295.

Логвин А. В., Шевнина И. В., Колбина А. В. Погребение женщины старческого возраста на могильнике Бестамак // Изучение историко-культурного наследия центральной Евразии. «Маргулановские чтения-2008» / Под ред. В. В. Варфоломеева. Караганда, 2009. С. 85–90.

Малютина Т. С., Куприянова Е. В., Рафикова М. Р. Раскопки курганного могильника Худолазские Курганы на Южном Урале в 2008 г. // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Челябинск, 2009. С. 26–31.

Малютина Т. С., Зданович Г. Б., Гаврилюк А. Г. Некрополи укрепленного поселения Аркаим: Александровский IV. Захоронения патриархов Аркаимской долины // Аркаим – Синташта: древнее наследие Южного Урала / Под ред. Д. Г. Здановича. Челябинск, 2010. Ч. 1. С. 179–206.

Мочалов О. Д. Дискуссионные вопросы происхождения керамических традиций синташтинских памятников: современное состояние проблемы // Изв. Самар. науч. центра РАН. 2008. Т. 10. № 1. С. 244–250.

Нелин Д. В. «Ограбление» погребений эпохи бронзы: проблема интерпретации // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация / Под ред. Ю. И. Колева. Самара, 2001. С. 317–321.

Нелин Д. В. Шибаетов I: поселение эпохи бронзы в Южном Зауралье // Вестн. ЧГПУ. Сер. 1: Исторические науки. Вып. 2. Челябинск, 2004. С. 150–180.

Ольховский В. С. Погребально-поминальная обрядность населения степной Скифии (VII–III вв. до н. э.). М.: Наука, 1991. 256 с.

Порохова О. И. II Герасимовский курганный могильник в Оренбургской области // Древняя история населения Волго-Уральских степей / Под ред. Н. Л. Моргуновой. Оренбург, 1992. С. 92–107.

Потемкина Т. М. Бронзовый век лесостепного Притобольшья. М.: Наука, 1985. 376 с.

Рафикова Я. В. Совместные погребения эпохи поздней бронзы на Южном Урале: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, 2008. 23 с.

Рыкушина Г. В. Антропологическая характеристика населения эпохи бронзы Южного Урала по материалам могильника Кривое Озеро // Виноградов Н. Б. Могильник бронзового века Кривое Озеро в Южном Зауралье. Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 2003. С. 345–360.

Сальников К. В. Южный Урал в эпоху неолита и бронзы // АЭБ. Уфа, 1962. Т. 1. С. 16–58.

Смирнов Ю. А. Лабиринт. Морфология преднамеренного погребения. Исследования, тексты, словарь. М.: Изд. фирма «Восточная литература», 1997. 279 с.

Стефанов В. И., Епимахов А. В. Синташтинский III (малый) курган: некоторые подробности и новые сюжеты // Вопр. археологии Поволжья. Самара, 2006. Вып. 4. С. 263–272.

Ткачев В. В. Степи Южного Приуралья и Западного Казахстана на рубеже эпох средней и поздней бронзы. Актобе, 2007. 384 с.

Халытин М. В. Первый бескурганный могильник синташтинской культуры // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация / Под ред. Ю. И. Колева. Самара, 2001. С. 417–425.

Хохлов А. А. О происхождении и дальнейшем развитии физического типа носителей синташтинско-потаповского круга культур // Аркаим – Синташта: древнее наследие Южного Урала / Под ред. Д. Г. Здановича. Челябинск, 2010. Ч. 2. С. 112–132.

Хохлов А. А. К вопросу о монголоидных черепах эпохи бронзы Волго-Уралья // Вестн. ЧелГУ. 2009. № 6. С. 8–11.

Хохлов А. А., Китов Е. П. Предварительное сообщение о палеоантропологическом материале эпохи средней бронзы могильника Буланово I // Вестн. ЧелГУ. 2009. № 6. С. 5–7.

Черных Е. Н. Формирование евразийского «степного пояса» скотоводческих культур: взгляд сквозь призму археометаллургии и радиоуглеродной хронологии // Археология, этнография и антропология. 2008. № 3 (35). С. 36–53.

Черных Е. Н., Кузьминых С. В. Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен). М.: Наука, 1989. 320 с.

Чечушков И. В., Епимахов А. В. Колесничный комплекс Урало-Казахстанских степей // Бочкарев В. С., Бужилова А. П., Епимахов А. В. и др. Кони, колесницы и колесничие степей Евразии. Челябинск; Екатеринбург; Самара; Донецк: Рифей, 2010. С. 182–229.

Шевнина И. В., Ворошилова С. А. Детские погребения эпохи развитой бронзы (по материалам могильника Бестамак // Этнические взаимодействия на Южном Урале / Под ред. А. Д. Таирова, Н. О. Ивановой. Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2009. С. 59–63.

Hanks B., Doonan R. From Scale to Practice: A New Agenda for the Study of Early Metallurgy on the Eurasian Steppe // World Prehistory. 2009. No. 22. P. 329–356.

Список сокращений наименований памятников

А IV	–	Александровский IV, могильник (курганы № 1 и 6)
БК	–	Большекараганский, могильник (курганы № 11, 24–26)
Бс	–	Бестамак, могильник
Г II	–	Герасимовский II, могильник (курган № 4)
Ж-К I	–	Жаман-Каргала I, могильник (курган № 1)
И I	–	Ишкиновка I, могильник (курган № 3)
И II	–	Ишкиновка II, могильник (курган № 1)
КА-5	–	Каменный Амбар-5, могильник (курганы № 2–4)
МКО	–	Кривое Озеро, могильник (курганы № 9–10)
Нк	–	Новокумакский, могильник (курган № 25)
СИ	–	Синташта, комплекс грунтовых и курганных захоронений
СП	–	Синташта, малый грунтовый могильник
СПШ	–	Синташта, малый курган
СМ	–	Синташта, большой грунтовый могильник
Со II	–	Солнце II, могильник (курганы № 3–5, 7, 11)
Тн II	–	Танаберген II, могильник (курган № 7)

Материал поступил в редколлегия 08.11.2011

A. V. Epimakhov, N. A. Berseneva

MORTUARY VARIABILITY OF THE SINTASHTA POPULATION (SEARCH OF EXPLANATION MODELS)

Our study concerns the cultural variability at the Bronze Age Sintashta mortuary sites in the South Urals area (early II millennium cal BC). Although the observance of the main mortuary canons, variability in the space organization of the cemeteries, grave location, grave structures, composition of sacrificed animals and dead treatment is obvious. Some explanatory models have been suggested in this research. There are chronological and geographical factors, directions of outside communications, cultural genesis and social inequality of population. As the main explanation of mortuary variability the social factor seems the most probable. The rise of the social complexity during the Ural Bronze Age is predominantly related to the Sintashta culture, and clear peak of the cultural variability is observed at the same time.

Keywords: South Urals, Bronze Age, Sintashta culture, cemeteries, mortuary practice, cultural variability.